

«Порядок школьный» 1586 года: некоторые языковые особенности документа в контексте истории восточнославянских языков

Вардомацкий Л.М.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова, Витебск

В статье исследуется языковая структура одного из памятников восточнославянской письменности второй половины XVI в., проводится сопоставительный анализ языковых особенностей документа.

Цель публикации – выделить и систематизировать некоторые особенности текста, отражающие живую разговорно-бытовую речь жителей территории, на которой он был создан, рассмотреть эти особенности в контексте истории развития восточнославянских языков.

Материал и методы. Материалом для исследования послужил текст созданного в 1586 году документа, известного под названием «Порядок школьный». В работе использовались сравнительно-исторический и сопоставительный методы.

Результаты и их обсуждение. Принято считать, что исторические документы написаны в традициях церковно-книжного языка и не отражают живую речь создателей этих документов, а поэтому не могут в достаточной степени использоваться для изучения особенностей и реконструкции живых языков исторической эпохи на конкретной территории. Однако такие суждения являются поспешными и не всегда основаны на историко-лингвистическом анализе оригинальных текстов памятников письменности. Это можно видеть на примере анализируемого документа. Выявленные в тексте и классифицированные народно-разговорные языковые элементы позволяют сделать некоторые выводы об особенностях живой речи создателей документа и определить место этих особенностей в контексте истории становления восточнославянских языков.

Заключение. Языковые особенности, выявленные в тексте исследуемого документа, соотносимы с каждым из восточнославянских языков. Однако в количественном отношении преобладают языковые формы, сопоставляемые с белорусскими как диалектными, так и литературными формами.

Ключевые слова: история языка, восточнославянские языки, памятник письменности, языковые особенности текста, разговорно-бытовой язык, общевосточнославянский контекст.

(Ученые записки. – 2025. – Том 41. – С. 137–141)

“School Order” of 1586: Some Linguistic Features of the Document in the Context of the History of East Slavic Languages

Vardomatsky L.M.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article examines the structure of the language of one of the monuments of East Slavic writing of the late 16th century, and conducts a comparative analysis of the linguistic features of the document.

The purpose of the study is to highlight and systematize some features of the text that reflect the living colloquial speech of the inhabitants of the territory where it was created, to consider these features in the context of the history of the development of East Slavic languages.

Material and methods. The research material was the text of a document created in 1586, known as the “School Order”. The study was conducted using comparative-historical and comparative methods.

Findings and their discussion. It is generally accepted that historical documents are written in the traditions of the church-book language and do not reflect the living speech of the creators of these documents, and therefore cannot be used to a sufficient extent to study the features and reconstruct living languages of a historical era in a specific territory. However, such judgments are hasty and are not always based on a historical-linguistic analysis of the original texts of written monuments. This can be seen in the example of the analyzed document. The colloquial language elements identified in the text and classified allow us to draw some conclusions about the features of the living speech of the creators of the document and determine the place of these features in the context of the history of the formation of the East Slavic languages.

Conclusion. *The linguistic features revealed in the text of the document under study are related to each of the East Slavic languages. However, in quantitative terms, linguistic forms related to Belarusian, both dialectal and literary forms, predominate.*

Key words: *history of the language, East Slavic languages, written monument, linguistic features of the text, colloquial and everyday language, common East Slavic context.*

(Scientific notes. – 2025. – Vol. 41. – P. 137–141)

Исторические документы, являясь важнейшим, если не основным источником изучения фактов и событий давно ушедших эпох, вместе с тем несут в себе огромный потенциал для объективной интерпретации этих фактов и событий с точки зрения дня сегодняшнего. Это положение в полной мере соответствует и задачам изучения особенностей языкового оформления таких исторических документов, что, в свою очередь, дает возможность объективно оценить и понять процессы, протекавшие в языках в разные времена и сформировавшие их современное состояние. И здесь, с сожалением, следует отметить, что, в сравнении с изучением «истории фактов», изучение истории восточнославянских языков на основе известных текстов исторических документов все еще остается предметом второго плана. Причина этого в определенном недоверии к языку исторического документа, поскольку, по мнению некоторых исследователей, такие тексты написаны «литературным» языком, в основе которого – книжная традиция церковнославянского письма, и поэтому они не отражают живую речь жителей, а значит, живой язык этноса и территории, который, собственно, и является основным предметом интереса историка-языковеда. Так, в частности, А.М. Камчатнов, исследовавший языковые особенности некоторых памятников деловой восточнославянской письменности, отмечает, что «всем им свойственна одна, на первый взгляд, поразительная черта: созданные в разных областях Руси – на севере (новгородские, двинские грамоты), на западе (полоцкие, смоленские, псковские, тверские), на юге (киевские, волынские, черниговские), они содержат в себе чрезвычайно мало местных черт в фонетике, морфологии и синтаксисе» [1, с. 72].

Но такие обобщающие выводы кажутся нам поспешными, поскольку часто основываются не на анализе текстов оригинальных, а на более поздних изданиях, претерпевших ряд субъективных и объективных редакций.

Действительно, любая письменная речь, тем более речь делового документа XVI века, созданного на восточнославянской территории, отличается от устной речи современников определенной нормированностью. Эта нормированность опирается на книжно-письменную традицию церковнославянского языка. Но практически во всех исторических документах любых письменных жанров в большей или меньшей степени мы находим отклонения, продиктованные писцу стереотипами его устного ежедневного бытового общения. Для исследователей-неязыковедов эти

элементы написаний могут показаться несущественными, и при копировании текстов ими часто пренебрегают. Но на самом деле именно такие отклонения от «общепринятого» для этого типа документов написания – ошибки, опiski, неточности – в своей совокупности дают историку-языковеду материал для выводов о некоторых особенностях живого языка определенного времени на определенной территории.

Одним из таких практически не изученных в языковом отношении письменных памятников является документ 1586 года, известный под названием «Порядок школьный». Этот документ, как и другие документы, касающиеся деятельности православных братств, функционировавших на восточнославянской территории, привлекал и привлекает внимание ученых различных областей знаний. Но особый интерес он, конечно же, вызывает у историков и педагогов. К настоящему времени уже сформировалась достаточно обширная аналитическая литература, предметом внимания которой явились различные аспекты религиозного, морального, социологического, педагогического характера, отраженные в тексте этого документа. Итоги этих работ обобщены в диссертационном исследовании Ю.Э. Шустовой «Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства как исторический источник, 1586–1788 гг.» [2].

«Порядок школьный» 1586 года в плане языкового оформления не вполне типичный деловой документ своего времени. Исполненный в традициях книжно-письменного языка, он вместе с тем заметно отличается наличием достаточно большого количества языковых особенностей, отражающих, на наш взгляд, живую речь его создателей. Сам Я.Ф. Головацкий, нашедший и первым издавший этот документ в 1863 году с максимальным сохранением языковой структуры текста оригинала, в предисловии к публикации отмечает: «Въ языкѣ и правописани уставу львовскаго примѣчаемъ всѣ важнейшіе свойства нынѣшняго русскаго языка, однакоже есть и нѣкоторыя старинныя формы» [3, с. 57].

Актуальность темы исследования состоит в том, что научный анализ языковой структуры документа открывает возможности для объективной оценки как собственно языковых особенностей памятника письменности, так и его лингвокультурологического значения в контексте общевосточнославянской письменности конца XVI века – переломного времени в жизни восточнославянских народов.

Цель настоящей публикации – выделить и систематизировать некоторые фонетические, грамматические и лексические особенности текста «Порядка школьного»

1586 года, отражающие живую разговорно-бытовую речь жителей территории, на которой он был создан, рассмотреть эти особенности в контексте истории развития восточнославянских языков.

Материал и методы. Материалом для исследования послужил текст памятника письменности 1586 года, известного под названием «Порядок школьный», опубликованного в 1865 году во втором томе сборника «Актów, относящихся к истории южной и западной России», собранных и изданных археографической комиссией в 1865 г. под редакцией Н. Костомарова [4]. В работе были использованы сравнительно-исторический и сопоставительный методы.

Этот вариант текста, на наш взгляд, является если не тождественным, то наиболее близким в языковом отношении к тексту оригинала. Утверждая это, исходим из того, что, как мы уже отметили, документ обнаружил непосредственно в архивах Ставропигийского братства и впервые опубликовал в 1863 году профессор «русского языка и словесности русской» Львовского университета Я.Ф. Головацкий. И он же передал этот документ в распоряжение Петербургской Археографической комиссии. Таким образом, можно считать, что редактор второго тома «Актów...» Н. Костомаров получил документ непосредственно из первых рук. Вполне возможно, что и Я.Ф. Головацкий, копируя первоначальный (архивный) вариант текста, и Н. Костомаров, готовивший к изданию вариант Я.Ф. Головацкого, вольно или невольно могли привнести некоторые единичные изменения в языковую ткань документа. Но сравнение текстов этого документа в публикациях Я.Ф. Головацкого (1863 г.) и Н. Костомарова (1865 г.) позволяет говорить об отсутствии в них принципиальных различий. (Указанные в издании Я.Ф. Головацкого годы 1786, вместо 1586, и 1784, вместо 1584, следует считать технической ошибкой издателя.) В свою очередь, сопоставительный анализ текстов изданий Я.Ф. Головацкого и Н. Костомарова не дает нам объективных оснований предположить наличие существенных расхождений в языковом оформлении этих вариантов и первоначального текста-оригинала.

Результаты и их обсуждение. Немногочисленные известные на сегодняшний день исследования «Порядка школьного» 1586 года посвящены в основном текстологическому анализу документа. Языковая структура памятника письменности, являющаяся на самом деле важнейшим демонстратором места и времени его создания, все еще остается вне поля специального внимания. Выражается это, в том числе, в заметно субъективном отношении исследователей к сохранению при цитировании языковых особенностей оригинала и внесении неоправданных изменений в лексико-грамматическое и графическое оформление цитируемых фрагментов. Так, например, в 1954 году текст обсуждаемого документа в графически адаптированном варианте был издан в качестве приложения к работе «*Братские школы Украины и Белоруссии в XVI–XVII вв. и их роль в воссоединении Украины*

с Россией» [5] (приводим этот текст, поскольку именно на него, в свою очередь, опираются последующие исследователи). Сравнение этого текста («Порядка школьного»), с текстом, опубликованным во втором томе указанных выше «Актów...», показывает, что прямолинейная адаптация в отдельных положениях существенно исказила текст оригинала. Например, в тексте, опубликованном в 1954 г., находим: «...*Сушу ему* *зде в граде Львове року 1586 месяца Генваря 1 дня*». Но в документе, опубликованном во втором томе сборника «Актów...», который мы, как уже говорили, считаем наиболее близким к тексту оригинала, написано «*сушу ему здѢ*», то есть использован оборот «дательный самостоятельный», который соответствует современному русскому придаточному предложению времени: «*Когда он был здесь*». Замена одной буквы (*щ* на *ш*) приводит к грамматическому и, следовательно, смысловому искажению текста.

Здесь же, в издании 1954 года, при передаче оригинального словосочетания «*всего ѿрону великія Церкви*» греческая буква θ (тета) заменена буквой Φ и фраза получила следующий вид: «*всего Фрону великія церкви*». Но в таком случае вместо слова *ѿронъ* – ‘престол’, получилось неподтверждаемое никакими историческими и лингвистическими словарями и поэтому бессмысленное *фрон!*?

Копируя документы, относимые к памятникам письменности, следует, на наш взгляд, быть точным даже в таких деталях, как написание слов со строчной или заглавной буквы. В нашем случае, в оригинале, в отличие от публикации 1954 года, написано – *Церкве*, что на самом деле может быть важным элементом для понимания исторического менталитета народа.

В издании Е.Н. Медынского читаем: «*составиши училище... стараниям же и накладом (иждивением) всего братства... и всего посполитого народа Россійского, даже и до убогих вдовицъ промышляючи о всяком недостатку законной науки*».

А в издании Н. Костомарова, осуществленном столетием ранее, этот отрывок записан следующим образом: «*составиши училище... стараниямъ же и накладомъ всего братства... и всего посполитого народа Россійского, даже и до убогих вдовиць, промышляючи о всяком недостатку законной науки*».

Как видно, эти две цитаты различаются отсутствием в публикации 1954 года запятой после словосочетания «*убогих вдовицъ*». Но если издатель работал над адаптацией текста, чтобы помочь современному читателю понять его содержание (обратим внимание на приведенное здесь пояснение «*иждивением*» к слову оригинала «*накладомъ*», чего в тексте Н. Костомарова нет), то он тем более должен был, как сделал это в других местах текста, поставить (доставить) эту запятую, даже если бы ее не было в первоначальном тексте (что вполне вероятно), поскольку без паузы в этом месте смысловые отношения между частями всего сложного предложения оказываются неопределенными, что искажает (или затемняет) смысл этой части документа.

В уже названной публикации Е.Н. Медынского читаем: «стараниям... всего братства». Здесь форма единственного числа творительного падежа, оканчивающаяся на – *иям*. Если бы это был единичный случай, такое написание можно было бы принять за опечатку. Такое же окончание в форме творительного падежа существительных видим и в отрывках из текста «Порядка школьного», которые приводит в своем исследовании в качестве цитат Ю.Э. Шустова (2004 г.): «великою пильностью, стараниям же и накладом братства... и всего посполитаго народа российскаго» [6]. Между тем в тексте, изданном Н. Костомаровым, написание этих грамматических форм принципиально отличается: «великою пильностю, стараньямъ же и накладомъ всего братства... и всего посполитаго народа Россійскаго», *поступованя, ведлугъ постановеня, постановеня о науцѣ, зъ розвязованьямъ*. Именно такие написания следует признать соответствующими первоисточнику, поскольку они очевидно отражают известный для этого времени, широко распространенный в устной речи и проникавший в письменность фонетический процесс, известный под названием «выпадение интервокального йота и стяжение гласных». Формы, отражающие этот процесс, нередки и в других документах, относящихся к этому времени и к деятельности Ставропигийского православного братства: «с *помощю* Божеею», «для *наученя* детям», «для *размноженя* наук». (Ср. с совр. бел.: *выданне, старанне, навучанне, размнажэнне*.)

Перечисленными примерами далеко не ограничиваются языковые особенности текста анализируемого памятника письменности, в котором заметно проявляются элементы живого языка его создателей.

Так, обращает на себя внимание отражение на письме качества звука [т] в окончаниях глаголов в формах 2-го и 3-го лица. Так, наряду с написаниями, отражающими церковнославянские формы личных окончаний глаголов с [т] твердым (*повелеваетъ, сѣеть, пожнетъ*), в тексте документа широко представлен фонетический процесс смягчения конечного – [т]-ь: *маеть, мають, будутъ, будутъ, соглядають, постановяють, ненавидить, умѣеть* и др., что, несомненно, передает особенность устной речи создателей текста. (Сравним в белорусском литературном языке: *маюць, будуць, умеюць* и т.п., а также в современных северо-восточных белорусских говорах (на Оршанщине, например), а также востоке Смоленщины: *ідзець, нясець, бярэць, пяець, умеець*...). В одном случае этот смягченный [т'] и на письме передан буквой ц: *На мѣсци своемъ* (ср. в бел. *на месцы*).

Заметной особенностью текста является абсолютно последовательное отсутствие графического указания на необходимость мягкого прочтения Л [л] в сочетаниях Л с последующим согласным: *великою пильностю, толко не пилней, школного, строителей школныхъ, учителски, толко наукою, бошную хоробу, больше* и под. Интересно, что публикация Я.Ф. Головацкого 1863 года также вышла под названием

«Порядокъ школный». То есть издатель сохраняет орфографию известного ему оригинала. Анализируя такие написания (их абсолютную последовательность), можно было бы, вероятно, судить о том, что звук [л'] в родном говоре создателя текста только мягкий и, следовательно, дополнительного обозначения мягкости не требуется – в любом случае [л] всегда и только мягкий. Но написания других слов свидетельствуют, что [л] был парным по твердости/мягкости. Сравним: *дидаскаль*, но *учитель*; *немадый*, но *вливаны*; *зъ выкладом*, но *заяцаны*.

Отсюда вывод может быть только один – в сочетаниях *-лн-, -лк-, -лс-, -лш-* в середине слова Л произносился в соответствии с написанием, то есть был твердым. И это была одна из фонетических особенностей территориального говора, родного для устроителей братской школы.

Звуки [ж'], [ш'], [ч'], как известно, в древнерусском языке были только мягкими. Около XIV века по говорам начинается постепенное (не параллельное) их отверждение. Этот процесс отразился и в тексте «Порядка школьного...». Сравним: *присуужоно, подлеишо-го, гдыжъ*. Встречающиеся в тексте формы типа *послушенство* не противоречат данному утверждению, поскольку написание после шипящей гласной Е еще не говорит о палатальности шипящего. Сравним в современном русском языке: *широкий, женщина*.

Написания *зъ чого, чого научить* свидетельствуют и об отверждении [ч] в родном говоре создателя текста. (Сравним с современным белорусским: *з чаго, чаму*.) А написание *черга*, как и в случаях с [ш] и [ж], не является показателем мягкости [ч]. (Сравним качество этого звука в современном белорусском [*частка*] и в русском [*часть*].) При одинаковом написании совершенно разное качество [ч].

Диалектные особенности заметно представлены и на морфологическом уровне текста. Например, глагольными формами долженствования, о которых уже упоминалось выше: *маеть быти благочестивъ, мають быти приставлены, маеть быти данъ реестръ, мають дидаскаль вписовати дѣти, маеть быти и заплаата имъ, отпуститися мають, маеть взяти, маеть его учити, не мають початись учити*. По свидетельству М.Н. Шевелевой, «конструкции *иму (имѣть)* + инфинитив, получившие широкое распространение в вост.-слав. ареале и развившиеся впоследствии в части диалектов в будущее время, фиксируются в памятниках с XIII в.» [7, с. 44]. В нашем случае мы наблюдаем дальнейшее разрушение первоначальных личных форм этого нетематического глагола и его диалектное развитие: (*он*) *имать* → *маеть*, (*они*) *имуть* → *мають*, что получило дальнейшее развитие в белорусском языке. (Сравним в современном белорусском: *як мае быць, мець гонар, мець надзею, мець магчымасць, мець рацыю, маюць магчымасць*.)

Исконный предлог *съ* в тексте «Порядка школьного» 1586 года последовательно передается в озвонченном виде, независимо от качества последующего

согласного: *зъ дидаскалом, зъ собою* (ср. в бел.: *з на-стаўнікам, з сябрам*).

Особое внимание обращает на себя последовательное (во всех случаях) употребление формы *што* относительного местоимения, вместо этимологического *что*: «*што за то повиненъ*», «*што дома писалъ*», «*што в школѢ учили*», «*а што учили того дне*», «*на што имъ и памятного маеть не боронити*», «*што далеко болше*». Соответствующее местоимение для указания на одушевленное существительное в тексте используется дважды. Причем в одном случае *кто* («*А кто бы хотѢль взяти дѢти свои отъ науки...*»), и в одном случае *хто* («*Хто хотель отъ дидаскала сына своего взяти...*»), что свидетельствует об активном распространении процесса диссимляции, получившем дальнейшее и наиболее полное развитие в белорусском языке.

В тексте «Порядка школьного» 1586 года наблюдается заметное отражение тенденции к графической унификации окончаний прилагательных. Эта тенденция выражается в последовательном различении написаний окончаний форм родительного падежа полных прилагательных, восходящих к местоименным формам прилагательных. Всего в тексте 15 таких словоупотреблений. Из них написаний с окончанием *-аго*, восходящих к упрощенным древнерусским местоименным формам, – 7. И это, как правило, лексика религиозно-нравственной сферы: *святаго, святѢйшаго, вселенскаго, новаго Рима, Греческаго и Славенскаго писанія, многоцѢннаго*. Но слова общеупотребительного функционирования и слова религиозной сферы, не получившие стилистическое расширение, записаны уже в новых формах, с окончанием *-ого*, сформировавшимся в устном общении: *посполитого народа, народа Россійского, едиnorodного, единого, дня великого, церковного пѢннннн, утѢшительного духа* и т.п.

Заключение. Подводя некоторые итоги, можно отметить, что приведенные здесь примеры и рассуждения позволяют сделать вывод о том, что выдвигаемые в отдельных работах аргументы об этнической соотнесенности «Порядка школьного» 1586 года, опирающиеся только на место создания памятника письменности, по отношению к документу XVI века являются не убедительными, поскольку не опираются на анализ языковых особенностей текста. С точки

зрения выявляемых в тексте «Порядка школьного» 1586 г. отражений живой, устной речи, конкретизированное отнесение его к какому-либо из восточнославянских языков представляется преждевременным. Документ следует считать памятником восточнославянской письменности, в котором проявляются диалектные особенности, соотносимые с каждым из восточнославянских языков. Но вместе с тем необходимо отметить, что в количественном отношении, на наш взгляд, в нем заметно преобладают признаки, соотносимые с современными белорусскими диалектными и литературными формами.

Литература

1. Камчатнов, А.М. История русского литературного языка. XI – первая половина XIX века: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. пед. учеб. заведений / А.М. Камчатнов. – М., 2015. – 624 с.
2. Шустова, Ю.Э. Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства как исторический источник, 1586–1788 гг. / Ю.Э. Шустова. – М., 1998. – URL: <https://www.dissercat.com/content/dokumenty-lvovskogo-uspenskogo-stavropigiiskogo-bratstva-kak-istoricheskii-istochnik-1586-17>.
3. Вестникъ Юго-Западной и Западной Россii. Т. III. – 1863. – URL: https://knih.com/none/Viestnik_Juho-Zapadnoj_i_Zapadnoj_Rossii_VIUZZR,1862-1870_pdf.zip.html#Vestnik_Yugo_Zapadnoj_i_Zapadnoj_Rossii_1863_03.pdf_26.
4. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией / [ред. Н. Костомаров]. – СПб., 1865. – Т. 2. – 1599–1637. – 314 с.
5. Медынский, Е.Н. Братские школы Украины и Белоруссии в XVI–XVII вв. и их роль в воссоединении Украины с Россией / Е.Н. Медынский. – Москва: Акад. пед. наук РСФСР, 1954. – 174 с.
6. Шустова, Ю.Э. Школа Львовского Успенского ставропигийского братства в конце XVI – начале XVII в.: взаимодействие греко-славянских культурных традиций. – URL: <https://bractwo.narod.ru/Libraries/JES/JESSzkola.htm>.
7. Шевелева, М.Н. О древнерусском глаголе имѢти, possessивных конструкциях и сложном будущем с имамъ / имоу в ранних восточнославянских текстах / М.Н. Шевелева // Вопросы языкознания. – 2019. – № 6. – С. 32–50.

Поступила в редакцию 14.05.2025